

УДК 32:342.3

DOI: 10.17223/1998863X/60/18

**В.А. Никонов, А.С. Воронов, В.А. Сажина, С.В. Володенков,
М.В. Рыбакова**

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА: СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ
в рамках научного проекта № 20-011-31396.

Изучены содержание и структурные компоненты цифрового суверенитета государства в условиях глобальных технологических трансформаций. Выделяются нормативный, правовой, технологический, компетентностный, политический и управленческие элементы данного феномена. Показано, что цифровой суверенитет способен выступать фактором, существенно влияющим на функционирование традиционных сфер жизнедеятельности государства и общества, являясь сегодня неотъемлемой частью государственного суверенитета в целом.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, технологические трансформации, цифровизация, государственная политика, национальная независимость, геополитическое противоборство.

Введение

Государство и общество в современных условиях сталкиваются с широким спектром цифровых практик, имплементация которых неизбежно приводит к трансформации различных сфер жизнедеятельности: у национальных информационных пространств возводятся цифровые границы, информационно-коммуникационные ресурсы и инфраструктура все в большей степени характеризуются экстерриториальностью, возрастают возможности для внешнего влияния, изменяются основы легитимации властного порядка и др.

Последствия цифровых трансформаций касаются множества сфер, в том числе государственного управления, образования, науки, бизнеса и др. В связи с этим большого внимания заслуживает изучение феномена цифрового суверенитета государства, определение содержательного наполнения которого затрудняется различиями существующих к нему подходов. Исследований, в центре которых стоят вопросы формирования и интерпретации цифрового суверенитета, становится все больше. Преимущественно в научных работах этот феномен рассматривается по отношению к одной определенной сфере. Особое внимание уделяется нехватке цифровых компетенций, которые должны обеспечить функционирование цифровой экономики и реализацию цифрового экономического суверенитета [1]: система переобучения не справляется с темпами ускорения цифровой трансформации [2]. В социальной сфере сдвиги в ИКТ могут привести к углублению социального неравенства, а также к существенному повышению уровня технической безработицы [3, 4]. В политической и правовой сферах анализируются государственные режимы,

интернет-цензуры и фильтрации данных в контексте реализации различных целей: поддержки социального порядка и контроля, обеспечения политической стабильности, государственной и общественной безопасности, сохранения суверенитета и т.д. [5, 6]. Осуществляются определение места цифрового суверенитета в поле правового регулирования [7], выработка определения понятия «суверенитет» в отношении цифровых технологий и инфраструктур, соотнесение его с традиционным представлением о суверенитете национального государства и с социальной справедливостью, автономией и коллективным управлением [8]. Отдельным вопросом в исследованиях стоит феномен информационного вмешательства в национальные политические процессы [9].

Современные исследования направлены на минимизацию рисков, связанных с отсутствием цифрового суверенитета и разработку различных концепций в сфере («суверенитет данных», «концепция суверенитета государств над ИКТ-инфраструктурой» [6], концепт государства как платформы [10, 11] и др.).

В рамках данного исследования методом экспертного интервью и фокус-групповых дискуссий была осуществлена попытка определения степени актуальности и значимости обеспечения цифрового суверенитета России, а также выделения его содержания и структурных компонентов с учетом видения практиков. В ходе 80 экспертных интервью были опрошены представители сфер образования и науки (51%), ИТ-технологий (28%), государственного и муниципального управления (23%), бизнеса (15%)¹ (рис. 1). Участниками 10 фокус-групповых дискуссий стала молодежь (более 70 человек в возрасте 21–27 лет) как часть гражданского общества.

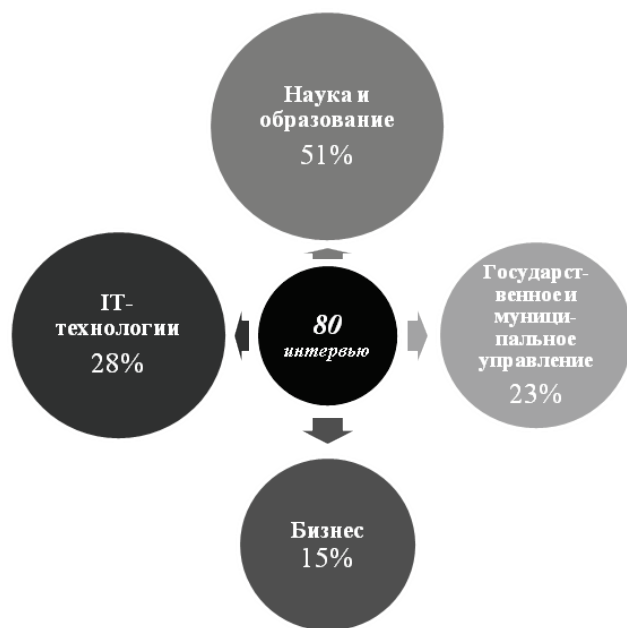

Рис. 1. Распределение опрошенных участников в экспертных интервью по сферам деятельности (составлено авторами)

¹ Некоторые эксперты могут быть отнесены одновременно к нескольким профессиональным группам.

Актуальность и значимость обеспечения цифрового суверенитета в условиях технологических трансформаций государства

Подавляющее число экспертов (83,3%) отметили крайне высокую актуальность и значимость проблемы цифрового суверенитета сегодня (9–10 баллов по 10-балльной шкале), обуславливая это целым спектром факторов и обстоятельств.

Во-первых, большинство ключевых сфер человеческой жизнедеятельности постепенно переходят в цифровое пространство, что делает многие традиционные аспекты суверенитета менее актуальными и выдвигает на первый план новые. К сферам, наиболее подверженным цифровизации, эксперты отнесли: образование (38,9% ответов), государственное и (реже) муниципальное управление (33,3%), экономика (в особенности банковский сектор – 22,5%)¹. Представители бизнес-среды чаще других обращали внимание на высокий уровень цифровизации в сфере логистики и транспорта, обеспечения общественной безопасности и медицине. Большинство экспертов также говорили и о цифровых трансформациях сферы коммуникации на самых различных уровнях.

Отметим также, что, по мнению большинства экспертов, цифровая трансформация сегодня форсирована. Государства вынуждены переходить на электронные форматы взаимодействия в различных сферах. Однако во многих случаях данные технологии являются заимствованными, а компетенции их использования весьма низкими, что сказывается на качестве управленческих процессов. Почти четверть из экспертов отмечали, что условия пандемии выступили катализатором цифровизации в ключевых сферах жизнедеятельности, придав ей характер «вынужденной». Отсутствие временного ресурса осложнил «естественный» ход технологической эволюции государства.

Многие эксперты актуальность проблематики связывали с отсутствием системного законодательного регулирования данной сферы в России, а также с наличием значительного числа внешних глобальных акторов, использующих цифровое пространство в собственных интересах. «В теоретическом плане проблема также не отработана, без чего трудно сформировать доктринальные основы», «В госсекторе понятия автоматизации, информатизации, цифровизации часто вообще не разделяются... идет подмена понятий, их путают», – отмечали эксперты.

Значимость цифрового суверенитета возрастает в силу глобального характера технологических трансформаций и экстерриториальности цифровых технологий. Основные линии напряжения в геополитической плоскости сопряжены сегодня во многом с «технологическими конфликтами» – информационным вторжением (либо обвинениями в нем) в суверенные национальные пространства, повышением роли глобальных технологических кампаний в общественно-политических и социально-экономических процессах, возросшим информационным противоборством в глобальном пространстве цифровых коммуникаций, кибератаками на национальные политические и экономические институты.

---

¹ Эти три сферы – «лидера» трансформации назывались экспертами вне зависимости от их профессиональной группы.

Одновременно с этим разработки в области искусственного интеллекта и программного обеспечения сильно политизируют цифровую среду и позволяют говорить: а) о разных интересах государств в цифровой среде (их намерениях подчинить те или иные сегменты интернета своей власти); б) противоборстве государств, их сторонников и противников в виде IT-корпораций, организаций и других государств; в) превращении информационных войн в сопутствующий элемент экономико-санкционного давления и шантажа; г) сетевых организациях, несущих непосредственную опасность традиционному государственному суверенитету, стремясь распространять криптовалюты и инструменты децентрализованных финансов, что подрывает суверенные налоговые системы государств. Сращение интересов ряда государств с интересами некоторых цифровых корпораций позволяет говорить и о потенциале возникновения феномена цифровых империй, которые выстраивают систему из независимых интернет-зон (цифровых колониальных территорий).

В подобных условиях способность защитить собственные национальные сегменты социально-экономического, общественно- и государственно-политического пространств становится критическим условием сохранения независимости и выживания государства, а наличие цифрового суверенитета самым непосредственным образом влияет на его жизнеспособность в условиях глобального цифрового противоборства. Таким образом, от цифрового суверенитета сегодня во многом зависит уровень государственного суверенитета в целом. Можно прогнозировать, что цифровые конфликты между государствами станут широко распространенным видом геополитических взаимодействий.

Кроме того, население многих стран, включая Россию, использует для цифровых коммуникаций и информационного потребления зарубежные платформы, формируя свои представления о социально-политической реальности из глобальных источников. Традиционная монополия государств в информационной сфере¹, национальный информационный суверенитет во многих случаях являются лишь де-юре существующими, а актуальные модели регулирования цифровой сферы оставляют техногигантам значительные возможности для злоупотребления своим доминирующим положением в цифровом пространстве.

Исходя из данных позиций, по итогам исследования мы можем подтвердить первоначальный тезис о высокой актуальности и значимости проблемы обеспечения национального цифрового суверенитета в условиях современных технологических трансформаций, имеющих всепроникающий характер.

Феномен цифрового суверенитета: содержание и ключевые признаки

Понимание феномена цифрового суверенитета в экспертной среде (так же как и среди представителей фокус-групповых дискуссий) не было столь же однозначным, как оценка его значимости. С одной стороны, часть экспертов выразила скептическое отношение к возможности обеспечения полноценного цифрового суверенитета в условиях использования глобаль-

---

¹ Включая монополию на обладание данными о собственных гражданах и происходящих внутри государства общественно-политических, социально-экономических и государственно-управленческих процессах.

ных цифровых коммуникаций экстерриториальной природы. Как отметил один из экспертов, «цифровой суверенитет – понятие совершенно бессмысленное в условиях открытого общества».

Попытки реализации права на цифровой суверенитет связаны с формированием закрытых политических режимов и международной изоляцией, что чревато серьезными последствиями, включая технологическое отставание в виду отсутствия международного научно-технического сотрудничества. Помимо этого, формирование и поддержку цифрового суверенитета затрудняет технологическое неравенство стран. Часть экспертов объясняла невозможность обеспечения цифрового суверенитета государств наличием технологической «элиты» – крупных корпораций, которые не допустят передела рынка и какой-либо серьезной конкуренции со стороны новых игроков, даже поддерживаемых государством.

С другой стороны, значительная часть экспертов была настроена более оптимистично, что позволило выделить ряд ключевых признаков и содержательных компонент феномена. Наиболее «популярным» признаком цифрового суверенитета стало право на независимое управление цифровыми ресурсами, действующими в национальных сегментах цифрового пространства. Такого рода право предполагает возможности регулирования, надзора и контроля за деятельностью цифровых платформ, а также блокировки размещаемой на них информации уполномоченными на это государством органами и организациями.

Кроме того, цифровой суверенитет в рамках данной концептуальной призм представляет как возможность государства самостоятельно определять степень и способы своего участия или неучастия в отношениях, связанных с применением цифровых технологий для реализации собственных интересов. При этом реализация суверенитета национальных сегментов цифрового пространства должна регулироваться национальным законодательством в интересах конкретного государства.

По сути, данный подход связан с нормативной правовой и законодательной составляющей цифрового суверенитета, возможностями применения государственными институтами власти права на легитимное насилие по отношению к цифровым ресурсам, права на независимую реализацию надзорных и контрольно-регулятивных функций.

Ряд экспертов придерживаются позиции, связанной с технологической составляющей цифрового суверенитета. В рамках данного подхода цифровой суверенитет определяется наличием суверенного комплекса интегрированных и взаимодополняющих цифровых сервисов во всех ключевых сферах жизнедеятельности государства и общества, включающего в себя собственные аппаратную базу, технологические решения в области доставки контента, а также национальные цифровые платформы (социальные сети, облачные хранилища, мессенджеры, сервисы хранения информации и т.д.).

Помимо этого, признаком цифрового суверенитета, по мнению части экспертов, является наличие собственных эффективных и высококонкурентных программных продуктов для решения широкого круга задач (национальные операционные системы, инструменты работы с Big Data, программные системы мониторинга, аналитики и прогнозирования, разработки в области искусственного интеллекта и т.д.). В рамках данной парадигмы на первый

план выходят технологический потенциал и независимость государства от внешних поставщиков «высоких технологий», способность обеспечить автономное функционирование национального сегмента цифрового пространства на основе собственной технологической инфраструктуры, а также противостоять внешним цифровым угрозам, включая кибератаки, цифровой шпионаж, попытки разрушения объектов национальной инфраструктуры посредством использования цифровых каналов коммуникации и др. (рис. 2).

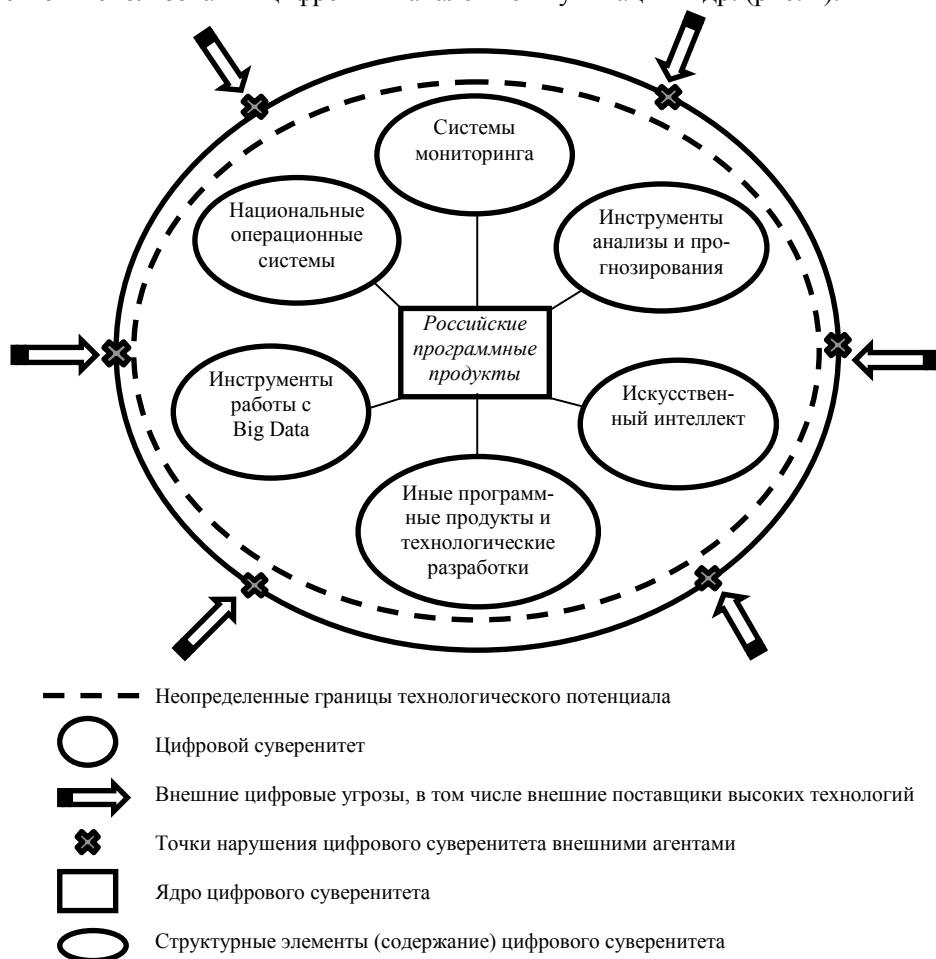

Рис. 2. Схематическое отражение парадигмы приоритетного развития технологического потенциала и независимости от внешних поставщиков (составлено авторами)

Третья группа экспертных представлений о феномене цифрового суверенитета связана с его компетентностным аспектом¹. Акцентируется внимание на способностях использования цифровых ресурсов, которые формируются в условиях одновременного наличия цифровых технологий и инфраструктуры, законодательной и нормативной правовой базы, а также навыков, умений, компетенций по их использованию в процессах общественно-политического

¹ Многие эксперты в этой связи привели в качестве примера безрезультатные попытки на государственном уровне заблокировать на территории России мессенджер Telegram.

и социально-экономического развития, а также в сфере государственного управления. Цифровой суверенитет в данном случае является эмерджентным свойством национальной государственной системы. В связи с этим особую значимость приобретает наличие эффективной национальной системы образования и науки, способной готовить высококвалифицированные кадры для цифровой индустрии, а также осуществлять передовые исследования и разработки, находить новые решения в цифровой сфере, а не заимствовать их извне. «Цифровой суверенитет предполагает качественную кадровую ротацию (приход в профильные министерства ответственных специалистов, детально разбирающихся в процессах цифровизации и IT-индустрий), создание образовательных программ в университетах, подготавливающих специалистов мультидисциплинарного типа – на стыке IT-технологий и государственного управления, публичной политики, инновационной экономики, создание в стране новых рабочих мест, обеспечивающих государство полезными инновациями в области искусственного интеллекта, электронного правительства, интернета вещей, электронной сферы услуг, систем новых вооружений и т.п.», – комментировал один из экспертов.

Четвертая группа экспертных позиций, а также большей части представителей фокус-групп, связана с политической составляющей и государственно-управленческим аспектом цифрового суверенитета как стратегии развития в определенной сфере.

Когда цифровой суверенитет является эмерджентным свойством, возникающим в процессах соединения национальной инфраструктуры, нормативной правовой базы и профессиональных компетенций в цифровой сфере, государственная политика становится краеугольным камнем, определяющим, по какому пути будет осуществляться цифровизация на национальном уровне, какими будут ее параметры и цели, насколько они будут отвечать интересам национального общественно-политического и социально-экономического развития.

В таком случае становится очевидным, что одним из главных условий, необходимых для формирования и поддержания национального цифрового суверенитета, должна быть способность государства проводить независимую внешнюю и внутреннюю политику в цифровом пространстве. Даже в условиях наличия необходимых составляющих (независимая цифровая инфраструктура, суверенная нормативная правовая база, профессиональные компетенции в цифровой сфере) процессы цифровизации внутри государства могут преследовать цели и интересы внешних акторов. «Цифровой суверенитет – это способность государства проводить (формировать и реализовывать) самостоятельный политический курс в цифровой сфере (отстаивать интересы, обеспечивать безопасность и т.д.) внутри страны и международных отношениях», – комментировал один из экспертов.

Крайне важным представляется выделить ценностно-смысловой компонент процессов цифровой коммуникации, тесно связанный с государственной информационной политикой. Информация лежит в основе объяснительных моделей социально-политической действительности, формирующих массовые политические представления. Наличие у государства возможностей и способности самостоятельно определять, какие нормы, ценности, смыслы, символы, модели политического мышления и политического поведения бу-

дуг транслироваться в цифровой среде, напрямую определяет потенциал государства в сфере обеспечения политической стабильности, предотвращения роста социально-политической напряженности, а также противодействия «переформатированию» и даже разрушению традиционных национальных ценностно-смысловых, культурных, нравственных, символических пространств, непосредственным образом влияющих на национальный менталитет. Участники фокус-групп отмечали, что «цифровой суверенитет будет в государстве, в котором есть какая-то четкая идеология или официальная идея, где развита массовая культура работы и общения в интернете и активно используется „система пропаганды“ для формирования собственной национальной идеи».

В современной практике примеры неспособности государства содержательно защитить собственное национальное цифровое пространство мы можем увидеть в тех странах, где были осуществлены цветные технологические перевороты, в рамках которых активно использовались цифровые коммуникационные технологии для формирования массовых политических представлений и протестного поведения населения.

Говоря о важности политической составляющей цифрового суверенитета, нельзя не согласиться и с мнением другого респондента: «...власть должна обеспечивать господство над „цифровой территорией“, обращать внимание на свою легитимацию посредством сетевых сообществ на различных интернет-ресурсах, создавать такие сообщества, конструировать разветвленную экосистему из цифровых платформ, способных создать качественную цифровую демократию, наладив множество обратных контуров связи между государственными, муниципальными служащими, депутатами, экспертными организациями и гражданам. Государство должно создавать собственную независимую цифровую территорию, контролировать системы коммуникации». В этом нам видится одна из ключевых задач государства в сферах политики и управления.

Заключение

Несмотря на относительную новизну феномена цифрового суверенитета, он способен выступать фактором, влияющим на функционирование традиционных сфер жизнедеятельности государства и общества. Потеря цифрового суверенитета может быстро приводить к потерям в критически важных для государства сферах, а при определенных условиях – и к полной потере национального суверенитета. Обеспечение цифрового суверенитета – важнейшая стратегическая задача, эффективное решение которой представляется одним из ключевых национальных приоритетов современной России.

В условиях интенсивных цифровых изменений мира и глобальной технологической турбулентности цифровой суверенитет представляет из себя в значительной степени высокодинамичный конструкт, содержание и структура которого могут меняться по мере развития человеческой цивилизации в целом.

Для построения модели цифрового суверенитета мы можем выделить нормативную правовую, технологическую, компетентностную, политическую, экономическую и управленческую компоненты, которые, будучи объединенными в единую систему, порождают эмерджентное свойство цифро-

го суверенитета. Обеспечение полноценной реализации каждой из компонент является критичным условием для формирования устойчивого цифрового суверенитета современного государства, обеспечивающего возможности конкурентоспособности и независимого развития в актуальных условиях глобальных технологических изменений и сопряженного с этим технологического противоборства.

Несмотря на сложность и многоаспектность феномена цифрового суверенитета, отсутствие исторического опыта его формирования и поддержания, грамотное и эффективное формирование в национальных интересах определенных нами в данной работе составляющих позволит, по нашему убеждению, обеспечить независимое и успешное развитие России как ведущего технологически развитого суверенного государства в современном мире.

Литература

1. Fossen F., Sorgner A. Mapping the Future of Occupations: Transformative and Destructive Effects of New Digital Technologies on Jobs // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13, № 2. P. 10–18. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.10.18
2. Zemtsov S., Barinova V., Semenova R. The Risks of Digitalization and the Adaptation of Regional Labor Markets in Russia // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13, № 2. P. 84–96. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.84.96
3. Apokin A., Belousov D., Salnikov V., Frolov I. Long-term Socioeconomic Challenges for Russia and Demand for New Technology // Foresight and STI Governance. 2015. Vol. 9, № 4. P. 6–17. DOI: 10.17323/1995-459x.2015.4.6.17
4. Юдина М.А. Новая промышленная революция как вызов государственному управлению // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 61. С. 76–95.
5. Винник Д.В. Цифровой суверенитет: политические и правовые режимы фильтрации данных // Философия науки. 2014. № 2 (61). С. 95–113.
6. Иванова М.В. Системы оценки цифровой трансформации государственного управления: сравнительный анализ российской и зарубежной практики // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 79. С. 255–280.
7. Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.
8. Воронцов С.А., Мамычев А.Ю. Искусственный интеллект в современной политической и правовой жизнедеятельности общества: проблемы и противоречия цифровой трансформации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. № 4. С. 9–22.
9. Володенков С.В. Информационное вмешательство как феномен деятельности субъектов современной международной политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 3. С. 148–160. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.3.13
10. Ловинк Г. Критическая теория Интернета. М. : Ad Marginem Press, Музей современного искусства «Гараж», 2019. 304 с.
11. Срничек Н. Капитализм платформ. М. : Изд. дом ВШЭ, 2019. 125 с.

Vyacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: nikonov@spa.msu.ru

Aleksandr S. Voronov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: voronov@spa.msu.ru

Varvara A. Sazhina, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: sazhina@spa.msu.ru

Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

Marina V. Rybakova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: rybakova@spa.msu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 60. pp. 206–216.

DOI: 10.17223/1998863X/60/18

DIGITAL SOVEREIGNTY OF A MODERN STATE: CONTENT AND STRUCTURAL COMPONENTS (BASED ON EXPERT RESEARCH)**Keywords:** digital sovereignty; technological transformations; digitalization; state policy; national independence; geopolitical confrontation.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Social Research Expert Institute, Project No. 20-011-31396.

Due to the high level of digital transformations, the study of the phenomenon of digital sovereignty of the state deserves great attention. Within the framework of this study, methods of expert interviews and focus group discussions were used to determine the degree of relevance and significance of ensuring digital sovereignty of Russia, as well as to identify its content and structural components, taking into account the vision of practitioners. In the course of 80 expert interviews, the vast majority of experts (83.3%) noted the extremely high relevance and significance of the problem of digital sovereignty. In their opinion, this is due to the ongoing (and to some extent forced by the conditions of the pandemic) digital transformation in many, including traditional, spheres of life of the state and society. The problem is also actualized by the extraterritoriality of digital technologies and the fact that the main lines of tension in geopolitical terms are largely associated with “technological conflicts”. Some experts expressed a generally skeptical attitude to the possibility of ensuring full-fledged digital sovereignty in the conditions of usage of global digital communications of an extraterritorial nature. The most “popular” sign of digital sovereignty, according to experts, is the right to manage digital resources operating in the national segments of the digital space independently. Digital sovereignty in the framework of this conceptual prism is presented as the ability of the state to independently determine the degree and methods of its participation or non-participation in relations associated with the use of digital technologies to realize its interests. In addition, a sign of digital sovereignty, according to some experts, is the presence of the state’s own effective and highly competitive software products for solving a wide range of tasks. Another group of expert views on the phenomenon of digital sovereignty is related to its competence aspect – it focuses on the ability to use digital resources, as well as on the ability of the state to conduct an independent foreign and domestic policy in the digital space. The model of digital sovereignty includes regulatory, technological, competence, political, economic and managerial components, which, when combined into a single system, create the emergent property of digital sovereignty. The full implementation of each component is a critical condition for the formation of a sustainable digital sovereignty of a modern state. In turn, its provision is the most important strategic task, the effective solution of which is one of the key national priorities of modern Russia.

References

1. Fossen, F. & Sorgner, A. (2019) Mapping the Future of Occupations: Transformative and Destructive Effects of New Digital Technologies on Jobs. *Foresight and STI Governance*. 13(2). pp. 10–18. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.10.18
2. Zemtsov, S., Barinova, V. & Semenova, R. (2019) The Risks of Digitalization and the Adaptation of Regional Labor Markets in Russia. *Foresight and STI Governance*. 13(2). pp. 84–96. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.84.96
3. Apokin, A., Belousov, D., Salnikov, V. & Frolov, I. (2015) Long-term Socioeconomic Challenges for Russia and Demand for New Technology. *Foresight and STI Governance*. 9(4). pp. 6–17. DOI: 10.17323/1995-459x.2015.4.6.17
4. Yudina, M.A. (2017) The new industrial revolution as a public administration challenge. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik – Public Administration. E-Journal*. 61. pp. 76–95. (In Russian).
5. Vinnik, D.V. (2014) Digital sovereignty: political and legal regimes of data filtration. *Filosofiya nauki – Philosophy of Sciences*. 2(61). pp. 95–113. (In Russian).
6. Ivanova, M.V. (2020) Assessment systems for government digital transformation: comparative analysis of Russian and international practice. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik – Public Administration. E-Journal*. 79. pp. 255–280. (In Russian).
7. Efremov, A.A. (2017) Formation of the concept of information sovereignty of the state. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 1. pp. 201–215. (In Russian). DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.201.215

8. Vorontsov, S.A. & Mamychev, A.Yu. (2019) Artificial intelligence in modern political and legal life of society: problems and contradictions of digital transformation. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 4. pp. 9–22. (In Russian).
9. Volodenkov, S.V. (2020) Information interference as a phenomenon of the contemporary international policy subjects activity. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya – Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 25(3). pp. 148–160. (In Russian). DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.3.13
10. Lovink, G. (2019) *Kriticheskaya teoriya Interneta* [Critical Theory of the Internet]. Moscow: Ad Marginem Press, Muzei sovremennogo iskusstva “Garazh”.
11. Srnicek, N. (2019) *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism]. Moscow: HSE.